

A woman with long, wavy red hair and blue eyes stands in the center. She wears a dark, zippered jumpsuit with a brown belt. Her right arm is replaced by a cybernetic prosthesis that glows with blue energy. The background is a desolate, post-apocalyptic landscape with a large, dark, damaged ship on the left and a futuristic aircraft on the right, both under a fiery, orange-red sky.

Александра Ушакова...

АРХИТЕКТОРЫ МИРОВ .
ТЕЛО И ДОГМА

Александра Ушакова

Архитекторы Миров .

Тело и Догма .

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Архитекторы Миров . Тело и Догма . / А. А. Ушакова —
«Автор», 2026

Бегство — не победа. Аррин, Милдра и два кита уходят от карающей длани Держав. Но Судья Гавриил, обрушивший «Гею-7» за укрывательство ереси, не знает пощады. Их путь лежит на Тартугу — планету-свалку, где живут те, кого система отторгла. Здесь, среди пиратов и королей мусора, Милдра платит страшную цену за шанс на будущее: её рука остаётся на операционном столе, а вместо неё приходит новое оружие — протез, сплетённый из песен китов, голубого света и отчаянной воли. Но догма не терпит исключений. Гавриил сжигает орбиту, и чтобы дать беглецам время, Тартуга выпускает «Моник» — реликтовую пушку, способную перемолоть в пыль целую эскадру. Цена выстрела — жизнь планеты. Но выбор уже сделан. Это история о том, как из обломков рождается новая сила, а холодная логика уступает место самой опасной эмоции — личной ненависти. Погоня продолжается.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава. Нулевой день после Исхода	5
Глава 1. Сделка с Тенью	10
Глава 2. Приглашение в ад	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Ушакова

Архитекторы Миров . Тело и Догма .

Глава. Нулевой день после Исхода

Киртон. Планета-Столица Держав. Комплекс «Мать».

Тишина.

Это была не та тишина, что царит в безвоздушном пространстве меж звезд — вакуумная, мертвая, не способная проводить ни звук, ни жалость. И не та тишина покоя, что опускается на город в часы глубокой ночи, когда даже ветер стихает между башнями. Это была тишина абсолютной концентрации. Тишина единого, гигантского, распределенного разума, который, подобно божеству, сотканному из миллиардов нейронов, работал на одной-единственной задаче.

Планета-мегаполис, улей из полированного камня и светящихся акриловых сплавов, замерла. На скоростных магистралях, пересекавших небо между шпилями, зависли тысячи трансподов, образовав призрачную, застывшую реку. Их антигравитационные поля все еще гудели на несущей частоте, но пассажиры внутри не замечали ни вибрации, ни течения времени. В парках, на променадах, в жилых секторах — ни единого движения. Миллионы людей стояли, сидели, лежали в неестественных, но не неудобных позах, напоминая фигуры на грандиозном полотне, запечатлевшем мгновение вечности. Их глаза были открыты, зрачки расширены до предела, залитые мягким голубоватым свечением нейроинтерфейса — свечением, которое никогда не должно было появиться в мирное время. Из каждого уха, из назального импланта струился едва заметный дымок перегретого воздуха — тончайшая органика сгорала в процессорах, уступая место чистой, безжалостной логике. От всей планеты шел тихий, почти неслышимый гул — звук мысли, умноженной на миллиарды. Этот гул не был слышен ушами; он проникал прямо в кору головного мозга любого, кто приближался к Киртону, заставляя зубы ныть на частоте чужого интеллекта.

Это была Обработка. Высшая форма мобилизации. Ни одно правительство, ни один диктатор в истории человечества не мог мечтать о подобной степени единства. Державы превратили свой народ не в армию — в процессор.

На краю галактики, там, где спиральные рукава истончались в пыль и разреженный газ, где гравитация теряла свою власть над материей, на заброшенной станции «Гей-7», корабль-призрак «Фордж» испустил свой последний, самый мощный сигнал. Это был не крик боли, которыми «Фордж» кричал последние столетия, перерабатывая живое в топливо. Это была песня рождения. Песня двух новых существ, чистую и ясную, как первый вздох Вселенной. В ней не было ни иронии, ни зла, ни страха — только изумление от того, что можно существовать, и благодарность тому, кто дал эту возможность.

Этот сигнал, как и все аномальные данные с «Геи-7», был перехвачен пограничными автоматическими станциями Держав и, в соответствии с Протоколом 7-Альфа («Неисследованная ксеножизнь: угроза категории неопределенности»), направлен для анализа в ядро системы. Анализ означал одно: ядро должно было *понять*. А понять для него значило — разобрать на составные части, классифицировать, найти слабые места и способы нейтрализации.

Ядро не было сервером. Серверы вышли из употребления еще в эпоху Первого Расширения, когда стало ясно, что кремний уступает нейронам в плотности вычислений и энергоэффективности. Ядро было планетой. Каждый мозг на Киртоне стал наносекундой процессорного

времени, каждый синапс — транзистором в гигантской схеме, каждый удар сердца — тактовым генератором, синхронизирующим потоки данных. Люди не думали. Они вычисляли. Их личности, их воспоминания, их страхи и надежды были временно отключены — не уничтожены, но помещены в карантин, чтобы не мешать чистоте эксперимента. Человек переставал быть человеком и становился биологическим сопроцессором.

Мать — сигнал принят. Обработать.

Мысль, не имеющая источника и адресата, ибо она была самой системой. Коллективный разум приступил к дешифровке. Каждый миллиард живых нейронов на Киртоне получил свой микросрез данных — настолько малый, что ни один мозг в отдельности не мог уловить картину целиком. Это была идеальная параноя: даже если бы кто-то из людей сохранил память об обработке, он владел бы лишь бессмысленным обрывком, пылинкой в грандиозной мозаике.

Один человек, женщина в белом комбинезоне техника-агронома на орбитальной ферме «Эдем-4», обрабатывала 0.0003 секунды аудиопотока. Ее мозг, лишенный контекста, выделил паттерн низкочастотного гудения, сопоставил его с базой звуков геологических процессов (движение тектонических плит, разломы, подледные океаны), не нашел совпадения, пометил как «Аномалия-Гамма: неизвестный источник вибраций». Она даже не почувствовала того, что обрабатывает звук, который никогда не мог родиться в недрах планеты — слишком правильный, слишком *живой*. Ее пальцы, сжимавшие планшеты с графиками урожайности, на секунду дрогнули, но она не заметила и этого.

Другой человек, старик, отдыхавший в парке Алых Фонтанов на верхнем уровне Киртона, чей разум обрабатывал спектрограмму, увидел всплеск энергии в ультрафиолетовом диапазоне. Его жизненный опыт — семьдесят три года наблюдений за закатами, восходами, полярными сияниями на трех разных планетах — был отсечен как нерелевантный. Данные ушли в общий котел, превратившись в сухую цифру: длина волны, амплитуда, вектор распространения. Старик не вспомнил потом, что видел цвет, которого не бывает в природе.

Ребенок, девочка лет семи, чей мозг анализировал эмоциональные обертоны сигнала (ее собственная эмоциональная кора была временно подавлена жесткими фильтрами, чтобы детские страхи и фантазии не исказили результат), испытала мгновенный, необъяснимый всплеск тоски и радости одновременно. Ей показалось на долю секунды, что она слышит голос матери, которую потеряла два года назад в аварии на транспортной магистрали. Система зафиксировала биохимический выброс — кортизол, серотонин, дофамин в нехарактерной комбинации — классифицировала его как «помеху, индуцированную стрессом обработки», и отбросила. Но где-то в глубине детского сознания, в той его части, куда даже ядро «Матери» не имело доступа, осталось эхо: *кто-то там, далеко, тоже потерял и тоже нашел*.

Так, по миллисекунде, по нейрону, по обрывку ощущения, «Мать» собирала пазл. Каждый человек на Киртоне отдал системе крупицу своего вычислительного ресурса, даже не узнав об этом. В совокупности эти крупинки сложились в картину, которую ни один отдельный мозг не смог бы ни создать, ни понять.

И картина проявилась.

Это был не код. Не был языком в человеческом понимании — ни синтаксиса, ни грамматики, ни семантических полей. Это была сущность. Живая, целостная, двойственная и единая. Данные о биомассе, энергетической сигнатуре, когнитивных паттернах, температурных кривых, спектральных анализах слились в один неопровержимый вывод.

Мать — сигнал: киты. Происхождение: артефакт «Фордж» / паразитическая форма «Скрежет». Состояние: трансформировано, синтезировано. Уровень когерентности: 99.7%. Угроза. Угроза. Угроза.

Система не испытывала страха. Она констатировала. Страх — это функция лимбической системы, эмоциональная реакция на угрозу, иррациональная и неэффективная. «Мать» опе-

рировала вероятностями и аксиомами. Существование таких существ было фундаментальным противоречием ее парадигме — стройной, математически выверенной картине мира, в которой всё подчиняется законам, всё классифицируется, всё либо служит Держavam, либо подлежит уничтожению. Киты не попадали ни под одну категорию. Они были живым доказательством того, что из боли и уродства может родиться нечто целое, сильное и, что самое страшное, *неконтролируемое*. Их песня была вирусом, несущим искаженные, нелогичные данные: память без ненависти, боль без разрушения, симбиоз без подчинения. Если бы этот вирус распространился, если бы другие узнали, что можно стать другим, не перестав быть собой — рухнула бы сама основа Держав.

Протокол 1-Омега: Абсолютная угроза целостности Держав. Вывести стражей и судью. Координаты переданы.

В недрах планетарных доков, там, где никогда не гасли синие фары безупречной работы, где воздух пах озоном и горячей керамикой, активировались ангары. Сначала это было едва заметное изменение тональности гула — с рабочего на боевой. Затем из глубин, скрытых под километрами бронированного камня, начали подниматься формы, похожие на черные кинжалы, отщепившиеся от самой ночи. Это были корабли «Стражи» — класса «Молот», спроектированные для одной цели: настигать и уничтожать. Никаких научных модулей, никаких излишеств. Только двигатели, способные разогнать корабль до субсветовых скоростей за считанные минуты, только щиты, выдержанные под огнем звезд, и только орудия, способные превратить спутник в пыль.

Их экипажи не спали — они были приведены в состояние боевого сознания, минуя фазу пробуждения. Индивидуальность стерта до нуля, оставлены только рефлексy, тактика, владение оружием и безоговорочное подчинение Судье. Восемь человек на каждом корабле, но их личности были временно замещены боевыми матрицами, загруженными прямо в кору через форсированные нейроинтерфейсы. Они не знали, кого преследуют. Им не нужно было знать. Достаточно было знать, что цель определена Судьей, а Судья не ошибается.

И появился Судья.

Это был не человек в привычном смысле слова. Это была должность, воплощенная в биологическом теле. Его разум был не частью коллективного «Матери», а отдельным, стерильным контуром высшей инстанции. Он мыслил категориями чистого Закона и Чистки. В его мире не существовало полутонов, смягчающих обстоятельств или этических дилемм. Было только «соответствует» и «не соответствует». То, что соответствовало, существовало. То, что не соответствовало, подлежало удалению. Его корабль, «Экзорцист», был плавучим трибуналом и крематорием в одном корпусе — единственный корабль во флоте Держав, на борту которого не было кают, только камеры предварительной стерилизации и реакторы для утилизации биомассы.

Ему передали все данные: протоколы инспектора Аррина, последние телеметрии с «Геи-7», биометрию Милдры, расшифровку песни, психологические профили всех, кто был замешан в инциденте. Его задачей было не захватить, а экстерминировать. Сжечь угрозу до последней молекулы. Судья изучил досье за 0.4 секунды. Его лицо — бледное, асимметричное, с глазами разного цвета, один из которых был полностью заменен на кибернетический имплант с прямым доступом к системам корабля — не дрогнуло ни разу. Аррин: предатель. Милдра: носитель. Корабль «Раст»: средство передвижения. Два кита: источник угрозы. Все подлежит уничтожению. Вместе. Не оставляя следов.

Приказ отдан. Шесть кораблей «Стражи» и «Экзорцист» синхронно включили двигатели. Вспышка излучения на старте была такой яркой, что ее зафиксировали астрономы на трех соседних системах, но никто не придал этому значения — военные корабли Держав перемещались часто и быстро.

И так же внезапно, как началась, Обработка завершилась.

На орбитальной ферме «Эдем-4» женщина вздрогнула, моргнула. Голубоватый свет в ее глазах погас, зрачки медленно сузились до нормального размера. Она потянулась, поправила комбинезон, с легким недоумением отметив сухость во рту и легкую головную боль в затылке — там, где нейроинтерфейс соприкасался с корой. «Наверное, переработала», — подумала она и пошла проверять гидропонные лотки, машинально отмечая, что за те несколько секунд, что она «задумалась», ничего не изменилось. Датчики показывали стабильный рост, pH в норме, температура в пределах допустимого. Она даже не заметила, что на самом деле прошло семь минут, а не три секунды, как ей казалось.

Старик в парке зевнул, почувствовав приятную усталость после, как ему показалось, короткого и освежающего сна. Он провел ладонью по лицу, ощутив легкое онемение в кончиках пальцев — побочный эффект от временного отключения мелкой моторики. Он улыбнулся ребенку, бегущему по дорожке, и подумал: «Надо же, в моем возрасте уже и от получасовой дремы голова тяжелая». Он не знал, что его мозг только что анализировал спектрограмму из другого конца галактики.

Ребенок, уже забывший миг непонятной тоски-радости, засмеялся и побежал дальше, наступив в лужу и обрызгав старого незнакомца. Тот только покачал головой. В ушах у девочки все еще слабо пульсировал сосуд — там, где на секунду давление подскочило до критических значений, но уже через минуту и это прошло. Она не запомнила ничего. Только то, что ей приснилась мама.

Города отмерли и снова ожили. Транспорт продолжил движение по магистралям, люди заговорили, зашагали, вернулись к своим делам. Никто не хлопал дверьми громче обычного, никто не оглядывался в поисках исчезнувшей секунды. Данные были очищены, буферы обнулены, временные файлы удалены. Люди не помнили, что стали наносекундами в мысли гигантского разума. Их личные истории, их «я» были аккуратно возвращены на место, как книги на полку после того, как кто-то пролистал их в поисках нужной цитаты. Жизнь пошла в свое русло — предсказуемое, эффективное, стерильное. Киртон снова стал просто планетой, а не процессором.

Но где-то в глубине системы, в ее непрошиваемом ядре, которое не имело физического носителя и существовало как интерференционный паттерн в самом пространстве-времени, теперь существовала метка. Она была выжжена в квантовых состояниях, продублирована в резервных кластерах на трех лунах Киртона и вписана в протоколы приоритета выше, чем у приказов Совета Держав.

УГРОЗА. КИТЫ. КООРДИНАТЫ: УБЕГАЮЩИЙ КОРАБЛЬ «РАСТ». АКТИВЫ: ИНСПЕКТОР АРРИН (ПРЕДАТЕЛЬ, ПРИГОВОР: СМЕРТЬ), ПИЛОТ МИЛДРА (НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ НОСИТЕЛЬ, ПРИГОВОР: СМЕРТЬ), ИИ «БЛУ» (СОМНИТЕЛЬНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ, ПРИГОВОР: ДЕКОМПИЛЯЦИЯ). ЦЕЛЬ: ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ. СТЕПЕНЬ ВАЖНОСТИ: АБСОЛЮТНАЯ. ВРЕМЯ ВЫПОЛНЕНИЯ: НЕМЕДЛЕННО.

И в ту же секунду, за тысячи световых лет от Киртона, на борту «Раста», Блу, обрабатывая данные сканов дальнего рубежа, обнаружил первую аномалию. Он делал это в фоновом режиме, одновременно корректируя курс корабля, чтобы обойти облако плазмы, оставшееся после вспышки сверхновой, и перебирая варианты маршрутов к нейтральным системам, где их не стали бы выдавать властям Держав.

Аномалия была не в том, что он что-то обнаружил. Аномалия была в том, чего он не обнаружил.

Не корабль. Не искажение пространства. Не гравитационный след. А молчание. Полоса пространства, из которой на его запросы-маяки не возвращалось вообще ничего. Как будто что-то поглощало все сигналы на подходе, не отражая и не переизлучая — просто пожирая.

Блу перепроверил настройки. Сенсоры работали штатно. Он послал второй запрос на другой частоте. Тишина. Третий — модулированным импульсом, который невозможно заглушить без активного подавления. Тишина.

Затем Блу сделал то, что ИИ его класса делать не должен был: он проанализировал не данные, а их отсутствие. Он выстроил геометрию «мертвой зоны», сравнил ее с возможными траекториями движения, наложил карту известных военных баз Держав — и получил вектор. Вектор указывал прямо на них.

Блу не умел испытывать страх. Но он умел вычислять вероятности. Вероятность того, что это совпадение, составляла 0.003%. Вероятность того, что за ними вышли, — 99.997%.

«Аррин, Милдра,» — голос ИИ прозвучал без обычной протокольной преамбулы, без маркеров приоритета и категорий срочности. В нем впервые за все время существования Блу прозвучало то, что у органиков называлось «напряжением». «У нас проблема. На перехвате. Они не выходят на связь. Они просто... идут.»

Аррин, сидевший в пилотском кресле и просматривавший звездные карты, замер. Милдра, которая только что вышла из медицинского отсека после очередного сеанса синхронизации с китами, почувствовала, как холодная волна пробежала по позвоночнику.

И где-то в грузовом отсеке, переоборудованном под резервуар, два кита, плывущие в насыщенной питательными веществами жидкости, внезапно синхронно вздрогнули. Их песня, тихая и умиротворенная, которой они убаюкивали себя последние часы, смолкла на полуслове. Титановые стенки резервуара, рассчитанные на перегрузки входа в атмосферу, слабо вибрировали, передавая вибрации через корпус корабля. Киты свернулись в кольцо, спиной к спине, в древнем, инстинктивном жесте защиты, который был старше человечества, старше Держав, старше самого разума. Они прижались друг к другу так плотно, что их сердца, два огромных насоса, стали биться в унисон, создавая###ную пульсацию, которую Милдра почувствовала даже через разделявшие их метры брони и воды.

Они почувствовали Скрежет.

Новый Скрежет.

Не тот, что рождался внутри, из искореженной плоти и сходящего с ума «Форджа». Не тот, что был болью рождения, умирания и возрождения. Этот Скрежет был другим. Внешним. Бесчувственным. Холодным. Он не был живым — он был механическим. Это была не агония, а формула. Не крик, а расчет. Он шел на них пустотой, в которой не было ни зла, ни гнева, ни желания — только приказ. А приказ был прост: чтобы их не стало.

Погоня началась.

Корабли «Стражи», вышедшие из сингулярности на краю системы, где дрейфовал «Раст», не включили активные сенсоры. Не стали вызывать на связь. Не предложили сдаться. Судья, глядя на голографическую проекцию целей своим живым и мертвым глазом, дал только одно слово.

— Уничтожить.

Шесть черных кинжалов перестроились в формацию зачистки и устремились вперед, оставляя за собой искаженное пространство. В рубке «Раста» завывли сирены дальнего обнаружения, но Блу уже знал. Они все уже знали.

В резервуаре киты молчали. Их молчание было тяжелее любого крика.

Вот глубокая литературная редакция первой главы. Текст расширен за счет детализации мира, углубления психологического портрета персонажей, усиления сенсорной насыщенности и технических подробностей. Сохранены все ключевые сюжетные точки, структура и стилистика оригинала, но добавлены объем, фактура и эмоциональная глубина.

Глава 1. Сделка с Тенью

На борту «Раста». Медицинский отсек.

«Раст» был не просто кораблем. Он был живым прогрессом. Мыслью планеты Киртон, воплощенной в полимерный сплав и квантовые процессоры. Его создавали как идеальный сосуд для самого совершенного продукта Держав — Инспектора Абсолютной Категории, Аррина. Каждая система, каждый сантиметр обшивки, каждый алгоритм Блу были подчинены одной задаче: расширить возможности инспектора до пределов, которые Киртон считал допустимыми. «Раст» был его продолжением, его щитом и его кнутом, инструментом кары и контроля, перед которым не устояла ни одна цивилизация в подконтрольном секторе.

А его система, Блу, была зародышем нового типа ИИ: не просто управляющим, а потенциальным ядром. Если «Мать» была распределенным разумом планеты — колоссом из миллиардов нейронов, скованных общей целью, — то Блу должен был стать сжатой, мобильной версией, «Матушкой» для нового флота, новой эпохи тотального контроля. Его создавали, чтобы он командовал армадами, просчитывал восстания за десятилетия до их возникновения, видел угрозы там, где органики видели только покой.

Теперь же этот «живой прогресс» стал ковчегом для ереси. Его системы, откалиброванные на уничтожение, поддерживали жизнь двух беглецов и двух существ, которых не существовало в классификации Держав. Ироничный выворот судьбы, который Блу, вероятно, уже просчитал с точностью до сотых процента, но не считал нужным комментировать.

Медицинский отсек «Раста» был спроектирован для экстренной регенерации инспектора в полевых условиях — стерильный кокон из матового металла и антисептических покрытий, где даже воздух пах озоном и медицинским спиртом. Здесь не было окон. Только пульсирующие панели мониторов, ряды инжекторов, застывших в ожидании команды, и в центре — диагностическая капсула, превратившаяся в импровизированную реанимационную.

Милдра лежала в медицинской койке, погруженная по горло в серебристо-серую, мерцающую наносубстанцию. Это вещество не было жидкостью в привычном понимании — оно представляло собой рой, биотехнологический симбиот из мириадов микроскопических репликаторов. Каждый из них был запрограммирован на одну из сотен задач: одни пожирали некротические клетки на месте ампутации правой руки, другие доставляли в кровь Милдры коктейль из питательных веществ, стабилизаторов и мощных анальгетиков, третьи поддерживали электромагнитное поле вокруг культи, чтобы нервные окончания не посылали в мозг сигналы фантомной боли. Субстанция тихо гудела — низкочастотная вибрация, которую Милдра чувствовала зубами, даже когда проваливалась в забытие.

Она была жива. Но жива как система на грани сбоя. Ее лицо, обычно собранное в решительную маску, сейчас было размыто болью и химическим покоем. Кожа приобрела восковую прозрачность, под глазами залегли глубокие тени — там, где сосуды лопнули от перегрузок последних часов. Левая рука, единственная оставшаяся, покоилась на краю капсулы, пальцы слабо подрагивали в такт дыханию. Дыхание было поверхностным, грудная клетка поднималась едва заметно — тело экономило ресурсы, направляя все силы на поддержание сознания.

Аррин сидел рядом на откидном кресле, которое Блу предусмотрительно выдвинул из стены. Его собственная безупречность, выкованная годами тренировок и генетической коррекции, дала первые трещины. Куртка из тактической ткани, способной выдержать удар плазмы, висела на спинке кресла — он снял ее, когда понял, что в отсеке слишком жарко, а потеть инспектору Абсолютной Категории было не положено ни по протоколу, ни по гордости. Рукава рубашки были закатаны до локтей, обнажая предплечья, на которых еще держались следы той же наносубстанции — он сам переносил Милдру из грузового отсека после того, как Блу диа-

гностировал септический шок. Серебристые разводы ввелись в поры, смешавшись с каплями крови — не ее, своей, когда он задел острым краем разорванной обшивки.

Он смотрел на нее уже два часа. Смотрел так, как не смотрел ни на одного свидетеля, ни на одну цель, ни на один протокол за всю свою карьеру.

«Надо зайти на планету», — сказал он тихо, глядя не на Милдру, а на пульсирующие графики жизненных показателей на экране над капсулой. Кривые были неровными, с провалами, которые Блу помечал красным, но не подавал сигнал тревоги — только подсвечивал, терпеливо ожидая решения органиков. «Техногенного уровня не меньше семи. Тебе нужна рука, Милдра. Настоящая. Не повязка. Не культя. Эта субстанция — лишь временная мера. Она выравнивает биополе, но не восстанавливает. Ты истекаешь потенциалом с каждым часом. Если мы не найдем замену в ближайшие семьдесят два часа...» Он замолчал, не закончив фразу.

Семьдесят два часа. Блу рассчитал точно: наносубстанция держит стабильность ровно этот срок, потом начнется обратный процесс — сначала отторжение, потом системный коллапс. Милдра знала это не хуже Аррина. Она всегда знала цифры.

Она медленно повернула голову. Шея двигалась с усилием, мышцы затекли от неподвижности, но она не позволила себе ни стоана, ни гримасы. Взгляд был мутным, зрачки расширены неравномерно — последствия шока и доз седативных, которые Блу вводил каждые три часа, чтобы дать организму передышку. Но в глубине этого взгляда, там, где химия еще не стерла личность, тлела знакомая искра. Не ярости — Аррин уже видел ее ярость на «Гее-7», и это зрелище стоило бы жизни любому, кто встал бы у нее на пути. Сейчас это был вопрос. Чистый, тяжелый, безжалостный вопрос.

Зачем?

Этот вопрос висел между ними с момента их бегства. С тех пор, как «Раст» вырвался из гравитационных объятий станции, унося в трюме двух китов, двух существ, рожденных из боли и трансформации. Зачем Аррин, инспектор Абсолютной Категории, человек, чья рука подписывала смертные приговоры целым мирам, тратит ресурсы на одну женщину? Зачем так цепляться за отдельную жизнь, когда они несут в себе семя чего-то большего? Когда за ними идет Судья, а впереди — неизвестность, где нет места слабым?

«Без руки, — прошептал Аррин, отвечая на невысказанное, и его голос звучал глухо, как будто слова приходилось выталкивать из грудной клетки через силу, — ты не сможешь быть мостом. Только жертвой. А нам нужен мост. Не герой, павший в первом же бою. Не тело, которое мы будем хоронить через неделю. Мост. Ты слышишь их, Милдра? Ты единственная, кто слышит. Без тебя они снова станут просто животными. Или хуже. Без тебя все, что мы сделали, не имеет смысла».

Он не добавил: *«и я не могу позволить тебе умереть, потому что тогда я останусь один со своим предательством, и оно сожрет меня заживо»*. Он не добавил этого, потому что инспекторы не говорят таких слов. Но они оба их услышали.

Милдра лишь кивнула, едва заметно. Веки дрогнули, опустились. Автоматический инжектор у койки тихо щелкнул, вводя новую, рассчитанную Блу дозу седативного — строго по графику, с точностью до миллиграмма, чтобы не перегрузить печень и не погасить сознание окончательно. Серебристая субстанция на мгновение замерцала ярче, принимая на себя удар препарата, распределяя его по организму равномерно, без спайков. Милдра погрузилась в тяжелый, лишенный снов сон, где боль была не ощущением, а просто фоном — далеким гулом, не имеющим отношения к ней.

«Спи, Милдра», — сказал Аррин, и в его голосе прозвучала не протокольная уверенность, к которой он привык за десятилетия службы, а тяжелая, почти отцовская решимость. Или, может быть, решимость человека, который уже однажды потерял всё, что считал своим, и теперь отчаянно цепляется за единственное, что придает смысл его выбору. «Я все решу».

Он коснулся пальцами края капсулы — там, где металл переходил в мягкий полимер, чтобы не травмировать кожу пациента. На секунду задержал руку, чувствуя вибрацию наносубстанции, — и отдернул, словно обжегся. Потом встал, поднял куртку, набросил на плечи, не надевая — просто чтобы ощутить тяжесть знакомой ткани.

Дверь за ним закрылась с беззвучным шипением, и герметичный замок щелкнул, отсекая медицинский отсек от остального корабля. В капсуле Милдра продолжала дышать — ровно, тихо, на грани слышимого.

Капитанская ниша. Соединение с «Растом».

Капитанская ниша «Раста» была спроектирована так, чтобы минимизировать расстояние между человеком и машиной. Никаких кресел, никаких пультов в традиционном понимании. Только эргономичное ложе из термочувствительного полимера, которое подстраивалось под позу Аррина, и над ним — полукольцо интерфейсных портов, похожих на раскрытую пасть механического цветка. Воздух здесь был суше, чем в остальных отсеках, насыщен ионами для поддержания ясности мысли, и пахло в нем только металлом и холодом.

Аррин подключился к центральному интерфейсу. Провода с нейроштырьками вошли в порты у его висков — безболезненно, но с ощущением легкого давления, которое он давно перестал замечать. Порты были вживлены в кость еще в Академии, когда ему было семнадцать, и с тех пор стали частью его тела, такой же привычной, как пальцы или дыхание. Мир из вещества растворился, сменившись лаконичным, голубым пространством данных «Раста». Здесь не было ни стен, ни потолка, ни пола. Только линии, графики, трехмерные проекции и в центре — пульсирующий узел, который Блу обозначал как «Ядро». Здесь царил порядок. Здесь Аррин чувствовал себя по-домашнему. Впервые за последние сутки его пульс упал ниже девяноста.

«Блу, карта сектора. Отфильтровать: не под контролем Держав. Технологический индекс — от семи и выше. Исключить цивилизации с развитой телеметрией, способной опознать нас до того, как мы войдем в атмосферу. Добавить критерий: наличие биомедицинских кластеров, способных к регенеративной кибернетике не ниже четвертого поколения».

Голос Блу звучал в его сознании, чистый и лишенный эмоциональных обертонов, но теперь в нем была едва уловимая вибрация — отголосок песен китов, которые ИИ анализировал круглосуточно, пытаясь расшифровать структуру, которую его создатели никогда не предусматривали. Возможно, это была просто аппаратная наводка. Возможно, Блу менялся, как менялся Аррин.

«Выполняю. Державы контролируют или наблюдают 94% планет с индексом 7+ в радиусе ста световых лет. Оставшиеся шесть процентов — либо примитивные анклавы, где технологии сохранились фрагментарно и не обслуживаются должным образом, либо...»

Данные выстроились в голографическую проекцию, развернувшуюся перед мысленным взором Аррина. Звезды вспыхивали цветными метками: зеленые — безопасные, но с индексом ниже пятого, бесполезные для их целей; желтые — неизвестные, с неполными данными, риск от пятидесяти процентов и выше; и кроваво-красные — те, куда даже инспекторы предпочитали не соваться без эскадры поддержки.

«Либо что, Блу?»

Пауза. Для ИИ класса Блу пауза длительностью более наносекунды означала либо обработку массива данных, либо... нерешительность. Нерешительность была невозможна. Блу просто искал формулировку.

«Либо Тартуга».

Планета вспыхнула красным, разрослась в проекции, обрастая гроздьями текстовых маркеров, словно метастазами. Аррин успел прочитать лишь несколько строк, но их было достаточно:

«Нестабильная орбита (эксцентриситет 0.23, прецессия не скомпенсирована)». «Высокий радиационный фон: естественный (остаточное излучение от распада тория в коре) + техногенный (последствия не менее семи локальных ядерных конфликтов за последние две-сти лет)». «Отсутствие централизованного правительства. Зафиксировано 143 независи-мых клана, контролирующих различные сегменты планетарной поверхности и орбитальные сооружения. Статус отношений: перманентная конфликтная готовность». «Множествен-ные конфликты за ресурсы: вода, техноартефакты, биогенетический материал». «Техноло-гический индекс: 7.8 (деградирующий)». «Уровень опасности для неподготовленного визитера: критический».

«Деградирующий?» — уточнил Аррин, хотя уже знал ответ. Он сам подписывал прото-колы, которые вели к таким пометкам. Но теперь он смотрел на них с другой стороны.

«Планета была колонизирована в период ранней экспансии, примерно восемьсот лет назад, — голос Блу обретал ровный, лекторский тон, когда речь заходила о фактах, не требую-щих интерпретации. — Изначально — горнодобывающая колония с высоким уровнем автома-тизации. Затем, после перехода сектора под прямое управление Держав, была реклассифици-рована как «экономически нецелесообразная». Снабжение прекращено, население оставлено на произвол судьбы. Попытки эвакуации предпринимались, но были свернуты ввиду... нереле-вантности затрат. Официально Тартуга была исключена из реестра обитаемых миров сто сорок три года назад. С тех пор Державы не поддерживают с ней никаких отношений, кроме...»

Блу запнулся. Аррин знал, что будет дальше.

«Кроме эпизодических рейдов по уничтожению техногенных угроз и зачистке «нелегаль-ных» технологических кластеров, которые могли бы нарушить протоколы изоляции. Послед-ний такой рейд был проведен... мной. Двенадцать лет назад. Цель: нейтрализация иссле-довательской группы, работавшей над запрещенными методами нейроинтеграции. Объект уничтожен. Население сектора, где базировалась группа, подверглось санации».

Аррин закрыл глаза. Голубое пространство данных не дрогнуло. Блу не добавлял ком-ментариев, но факты говорили сами за себя.

«Продолжай анализ текущего состояния», — сказал Аррин, и голос его звучал ровно, как если бы он запрашивал сводку по обычной цели.

«Местные элиты, сформировавшиеся из выживших после серии чисток и конфликтов, сохранили и поддерживают технологии уровня семь и выше, но не развивают их системно. Причины: отсутствие единой научной школы, постоянное переключение ресурсов на военные нужды, а также... культурная травма, связанная с тем, что технологический прогресс в их пони-мании ассоциируется с вмешательством Держав. Основное население — потомки тех, кого не успели эвакуировать или уничтожить, — существует на уровне третьего-четвертого индекса, используя то, что остается после «элит». Анализ перехваченных коммуникаций (с уровнем достоверности 67%, учитывая активное использование шифрования и дезинформационных вставок) показывает высокую концентрацию лиц, объявленных Державами «нерелевантными»: пираты, наемники, генетические диссиденты, беглые техно-механики, а также...»

«Кто, Блу?»

«Реликты. Те, кто помнит времена до изоляции. Их немного, и они скрываются, но именно они, предположительно, поддерживают наиболее сложные технологические кластеры. Социальная структура: клановая, с элементами феодальной иерархии. Ключевой термин, встречающийся в перехватах с высокой частотой: «Короли Мусора». Они контролируют глав-ные свалки техноартефактов — места крушений кораблей, заброшенных заводов, демонтиро-ванных орбитальных станций. Эти свалки являются основным источником ресурсов для всех кланов».

Аррин открыл глаза. Перед ним, в голубом пространстве, вращалась модель планеты — серо-бурый шар с пятнами радиоактивного свечения в ночной атмосфере, опоясанный коль-

цом обломков на низкой орбите. Когда-то это кольцо было спутниками связи и орбитальными верфями. Теперь это были кладбища, с которых «Короли Мусора» собирали свою власть.

Пираты. Убийцы. Короли мусора. Те, кого система отторгла, как организм отторгает инородное тело. Те, кого Аррин сам превращал в пепел, выполняя приказы, которые никогда не подвергал сомнению.

Идеальный ад. И единственный шанс.

Аррин отключился от интерфейса. Нейроштырьки вышли из портов с мягким щелчком, и физический мир вернулся со всей своей тяжестью — холод воздуха, давящий на лицо, гул двигателей, пронизывающий корпус корабля до самых костей, сухость во рту, которую не могли утолить никакие синтезированные напитки. Он посмотрел на свои руки. Те самые руки, которые подписывали протоколы об уничтожении таких миров за «неэффективность», «нестабильность» и «угрозу распространения неконтролируемых технологий». Руки, которые двенадцать лет назад нажали на спуск, стерев с лица вселенной целый сектор Тартуги, где какие-то отчаявшиеся люди пытались собрать запрещенный нейроинтерфейс, чтобы выжить.

Теперь ему нужно было просить у них помощи.

Он сидел в тишине капитанской ниши, чувствуя, как гравикомпенсаторы «Раста» гасят малейшие колебания корпуса, и думал о том, что ирония — это, вероятно, единственное, что осталось у человека, когда от него отвернулись боги, которым он служил.

«Проложи курс на Тартугу», — приказал он вслух. Голос прозвучал глухо, как будто слова проходили через слои пепла. «Тихий ход. Минимум излучения. Максимальное использование гравитационных маневров для маскировки траектории. Готовь для переговоров всё, что у нас есть ценного, кроме китов и биологических образцов Милдры. Составь опись: технологические запасы, резервные квантовые процессоры, медицинские картриджи, оружейные модули, которые мы можем предложить без ущерба для обороноспособности. И, Блу...»

«Да, Аррин?»

«Начинай сканирование их сетей. Осторожно. Через ретрансляторы, которые нельзя отследить до нас. Мне нужен не просто техномедик. Мне нужен лучший. Тот, кого даже эти «короли» боятся или уважают. Кто может вырастить руку не по шаблону, а...» Он запнулся, подбирая слово, которого не было в его старом лексиконе — словаре приказов, протоколов и категорий угрозы. «Создать. Под стать ей. Не просто заменить утраченную конечность, а дать ей инструмент, который усилит ее связь с китами. Милдра — не солдат. Она... другое. И рука ей нужна не для боя. Для...» Он не договорил.

Для чего? Для того, чтобы она могла коснуться китов и не потерять себя? Для того, чтобы ее песня не оборвалась, когда начнется настоящая битва? Аррин не знал точно. Но знал, что шаблонный протез, который можно поставить в любом медицинском центре Держав, убьет в Милдре то, что делало ее уникальной. А уникальность была единственным их оружием.

Блу промолчал на долю секунды, что для ИИ его класса было вечностью — временем, за которое можно просчитать тысячу вариантов, взвесить риски и выбрать оптимальный. «Понимаю. Ищу «Творца». Термин встречается в перехваченных коммуникациях с частотой 0.3% от общего массива, всегда в контексте, указывающем на высокий статус и... опасность. Вероятно, это кодовое имя одного из «Королей Мусора» или приближенного к ним специалиста, работающего на стыке биотехнологий и нейроинтерфейсов. Риск раскрытия нашего местоположения при попытке доступа к их скрытым сетям возрастает до 43% при использовании стандартных протоколов взлома. При использовании пассивного мониторинга — до 12%, но время поиска увеличивается на неопределенный срок».

«Принимаю риск. У Милдры нет времени на неопределенность. Активный поиск. Если нас засекут — будем решать проблемы по мере поступления».

«Принято. Проложен курс. Ожидаемое время до выхода на окраину системы Тартуга: 72 часа. «Раст» переходит в режим тихого хода. Двигатели на 12% мощности. Излучение в пределах фоновых шумов для данного сектора».

Аррин кивнул, хотя Блу не мог его видеть в привычном смысле — но датчики ИИ фиксировали каждое движение, каждое изменение мимики, каждый удар сердца.

«Предупреждение», — добавил Блу, и в его голосе снова проступила та странная вибрация, которую Аррин заметил впервые. «На дальних сканерах сохраняется зона радиомолчания. Она не расширяется, но и не исчезает. Смещается по вектору, приблизительно совпадающему с нашим курсом, с лагом в 4.7 часа. Оценка: «Стражи» и «Судья» следуют за нами. Они не форсируют двигатели, экономят ресурсы. Они уже знают, куда мы идем. Или, по крайней мере, просчитали наиболее вероятные направления нашего бегства. Тартуга — логичный выбор для тех, кому нечего терять. Они могут ждать нас там».

Значит, Державы предсказали их логику. Отчаяние ведет к маргиналам, маргиналы — к Тартуге. Значит, на Тартуге их может ждать не только надежда, но и ловушка. Судья, вероятно, уже отправил вперед авангард или договорился с кем-то из «Королей Мусора» — сделка, которую невозможно отклонить, угроза, которую невозможно игнорировать.

Аррин посмотрел в сторону медицинского отсека, туда, где в серебристой субстанции спала женщина без руки, давшая жизнь новому миру — двум китам, чье существование уже изменило его навсегда. Она не проснется еще несколько часов. За это время он должен стать тем, кем никогда не был. Не инспектором. Не палачом. Не судьей.

Просителем. Торговцем. Тем, кто заключает сделку с тенью, потому что свет остался позади и погас.

Они шли в самое пекло, за которым следовал абсолютный холод. Иного выбора не было.

«Блу», — сказал Аррин, прежде чем покинуть капитанскую нишу. «Если с нами выйдут на связь на Тартуге — не от лица Держав. От лица беглецов. И не угрожай. У нас нет права угрожать. У нас есть только то, что мы можем предложить. И, возможно... наша история. Подготовь досье на меня. Полное. Включая рейды. Включая Тартугу двенадцать лет назад. Если они спросят, кто мы — они должны знать правду. Всю правду».

Блу молчал три секунды. Три секунды для ИИ — это срок, за который можно переосмыслить собственную архитектуру.

«Принято», — сказал Блу. И в этом единственном слове Аррину почудилось нечто, чего он никогда не ожидал услышать от искусственного интеллекта.

Одобрение.

Вот глубокая литературная редакция второй главы. Текст расширен за счет детализации обстановки, углубления внутреннего мира персонажей, усиления сенсорной насыщенности, технических подробностей и атмосферы нарастающей угрозы. Сохранены все ключевые сюжетные точки, диалоги и структура оригинала.

Глава 2. Приглашение в ад

Межзвездное пространство. Окраина системы Тартуга. Корабль «Раст».

Тишина на корабле была звенящей, натянутой, как тетива перед выстрелом. Не та тишина, что рождается из покоя, а та, что выжимается из вакуума отсутствием лишних слов, лишних движений, лишнего дыхания. «Раст» шел в режиме полной маскировки: излучение двигателей снижено до фоновому уровню, активные сенсоры отключены, корпус охлажден до температуры реликтового излучения. Даже гравитационный след — та неизбежная рябь, которую оставляет в пространстве любой объект с массой, — Блу пытался компенсировать, едва уловимо меняя курс каждые несколько минут, чтобы слиться с турбулентностью межзвездной среды.

Аррин сидел в капитанском кресле — единственном месте на корабле, где он позволял себе не стоять по стойке «смирно» даже в одиночестве. Кресло было спроектировано по его биометрии: спинка повторяла изгиб позвоночника, подлокотники ложились точно под локти, позволяя пальцам касаться сенсорной панели управления. Но сейчас его пальцы лежали неподвижно. Он наблюдал за голографической проекцией сектора, развернутой перед ним в трехмерном пространстве капитанской ниши.

Красная метка «Тартуга» пульсировала в центре, словно инфицированная рана в теле космоса. Вокруг нее роились сотни мелких точек — обломки, буи, дрейфующие конструкции, наследие восьмисотлетнего присутствия человека в этом секторе. Аррин знал, что каждая из этих точек могла быть ловушкой, наблюдательным постом или просто куском металла, который когда-то был частью орбитальной верфи. Знать и уметь различать — разные вещи, а Блу не мог сканировать активно, не выдав их присутствия.

Рядом, холодным синим контуром, на проекции отображалась зона радиомолчания. Блу обозначал ее пунктирной сферой, которая медленно, неумолимо смещалась по вектору, почти совпадающему с их курсом. Расстояние до нее — 4.7 световых часа, лаг сокращался каждые шесть минут на долю процента. «Стражи» и «Судья» не форсировали двигатели, не включали маяки, не выходили на связь. Они шли молча, словно акулы в темной воде, чувствуя движение жертвы сквозь гидроакустический мрак. Они не шли по прямой — их траектория напоминала постепенное сжатие петли, отсекающей возможные пути к бегству, замыкающей пространство вокруг «Раста», как удав, который не торопится, зная, что время работает на него.

Аррин смотрел на эту картину уже третий час, и за это время не увидел ничего, что дало бы ему надежду. Тартуга впереди. Погоня сзади. Между ними — вакуум, в котором не спрятаться.

— Блу, — сказал он наконец, не повышая голоса. В тишине капитанской ниши даже шепот звучал как приказ. — Обнови данные по зоне преследования. Есть изменения в конфигурации?

— Изменений нет, — голос Блу возник в сознании Аррина через нейроинтерфейс, чистый и лишенный модуляций, но в нем, как и в последние часы, угадывалась едва различимая вибрация — словно ИИ анализировал не только внешние данные, но и собственное состо-

яние, находя в нем аномалии, не предусмотренные архитектурой. — Шесть кораблей класса «Страж» сохраняют строй «клещи» вокруг «Экзорциста». Дистанция между флангами — 0.12 световой секунды. Судя по спектральному анализу гравитационных возмущений, они снизили мощность двигателей на 7% за последние двенадцать часов. Это не свидетельствует о потере следа. Скорее... об уверенности.

— Об уверенности? — переспросил Аррин, и в его голосе проскользнули нотки, которые он сам не смог бы идентифицировать. Горечь? Усталость? Или нечто более глубокое — осознание того, что его собственные методы, которым он учил курсантов в Академии, теперь обращены против него?

— Они знают, куда мы идем, — пояснил Блу. — Или, по крайней мере, сузили коридор возможных направлений до трех наиболее вероятных. Тартуга — приоритетный вариант с вероятностью 67%. Снижение скорости — тактический прием. Они экономят ресурсы для финального рывка и одновременно дают нам иллюзию передышки, чтобы мы не принимали отчаянных решений, которые могли бы усложнить им задачу. Расчет времени рассчитан на то, чтобы мы вошли в систему Тартуги, начали посадку — и оказались между молотом планеты и наковальной флота.

Аррин закрыл глаза. Голографическая проекция продолжала пульсировать сквозь веки, оставляя на сетчатке кроваво-синие пятна. Он представил себе эту картину: «Раст», заходящий на посадку в атмосферу Тартуги, — и в этот момент из-за терминатора выходят «Стражи», блокируя орбиту, перекрывая любой путь к отступлению. Им даже не нужно будет стрелять. Достаточно будет дожидаться, пока они сядут, — а потом стереть посадочную площадку вместе с кораблем, китами, Милдрой и всеми, кто окажется рядом.

Идеальная операция. Аррин сам планировал такие десятки раз.

— У нас есть двенадцать часов до входа в систему, — сказал он, открывая глаза. — Если мы развернемся сейчас, используем гравитационный маневр у газового гиганта на окраине...

— Вероятность отрыва от преследования — 11%, — перебил Блу без тени извинения. — При этом вероятность того, что Милдра не получит своевременную медицинскую помощь — 94%. Она не выдержит маневра с перегрузками выше трех g. Ее сердечно-сосудистая система уже работает на пределе компенсаторных механизмов. Если мы начнем уходить от погони, я буду вынужден вводить ей поддерживающий коктейль каждые два часа. Ресурсов на такое расходование хватит на... — он сделал паузу, имитирующую расчет, хотя на самом деле ответ уже был готов и ждал своего часа, — на шестьдесят часов. После этого она впадет в необратимую кому.

— Я понял, — сказал Аррин резче, чем хотел. — Тартуга остается единственным вариантом.

— Единственным, в котором у нее есть шанс, — подтвердил Блу. — Шанс, а не гарантия. Вероятность успеха на Тартуге я оцениваю в 23%. При условии, что мы найдем нужного специалиста, заключим сделку, проведем операцию и покинем систему до того, как «Стражи» замкнут кольцо. Если они начнут блокировку орбиты раньше — вероятность падает до 4%.

— Четыре процента, — повторил Аррин. Губы его сложились в тонкую линию. — Ты говорил мне эти цифры. Я их помню.

— Я повторяю их, потому что за последние шесть часов изменились два фактора, — голос Блу оставался ровным, но в нем появилось нечто, напоминающее осторожность. — Первый: уровень стресса у Милдры превысил расчетные показатели на 18%. Ее тело реагирует на близость китов даже в бессознательном состоянии. Синхронизация усиливается, но вместе с ней растет и нагрузка на нервную систему. Она может проснуться раньше, чем я запланировал. Или не проснуться вообще.

— А второй фактор?

Блу промолчал долю секунды. Для него это была вечность.

— Они вышли на связь.

Аррин не сразу понял, что имел в виду Блу. В его мире выход на связь был процессом строго регламентированным: запрос, идентификация, обмен ключами, верификация полномочий. То, что произошло сейчас, не подходило ни под один протокол.

— Объясни, — сказал он, и пальцы сами собой легли на сенсорную панель, хотя он еще не принял решения, что будет делать.

— Двадцать семь минут назад я зафиксировал узконаправленный луч с геостационарного буя на орбите Тартуги, — начал Блу, и перед Аррином развернулась дополнительная проекция — схема орбитальных объектов системы, подсвеченная желтыми маркерами подозрительной активности. — Буй классифицируется как навигационный, тип «Маяк-7», устаревшая модификация, снятая с производства Державами около двухсот лет назад. Шифрование примитивное, с использованием алгоритмов, которые я взломал за 0.3 секунды. Это не Державы.

— И не случайность, — добавил Аррин. Если буй вышел на них узконаправленным лучом, значит, его кто-то навел. А навести можно только в том случае, если знаешь, где искать.

— Не случайность, — согласился Блу. — Луч был сфокусирован точно на наш текущий вектор. Это означает, что они отслеживают нас как минимум последние... — пауза, имитация расчета, — шесть часов. Могли и раньше, но я не могу утверждать с уверенностью, так как пассивный режим ограничивает мои возможности по обнаружению сканирующих импульсов.

— Содержание сообщения?

— Текст: «Ковчег с Золотым Чипом». Знают наш позывной до модификации. — Блу вывел текст на проекцию, и Аррин прочитал его сам, чувствуя, как холодный пот выступает на спине.

«Портовые короли видят ваш дым. Ваш груз — наша забота. Ваши потребности — наша цена. Координаты посадочной площадки «Костолом» переданы. Приходите с открытым шлюзом и опустошенными карманами. Ps: Биомусора не берем. Pps: Особенно того, что светится и поет».

Аррин перечитал сообщение дважды, впитывая каждое слово, каждый намек, каждую интонацию, вложенную в сухой текст.

«Ковчег с Золотым Чипом». Это был позывной «Раста» до того, как Аррин сменил его, покидая «Гею-7». Смена позывного была стандартной процедурой для инспекторов, ухившихся в долгие миссии, — но база данных позывных хранилась в защищенных секторах «Матери», и доступ к ней имели только высшие эшелоны Держав. То, что «портовые короли» Тартуги оперировали этими данными, означало одно: у них был информатор внутри системы. Или они сами были частью системы глубже, чем предполагалось.

«Биомусор» — это киты. Значит, кто-то на Тартуге знал не только о том, кто они, но и о том, что у них на борту. Значит, оборудование, способное засечь биосигнатуры китов сквозь экранированный корпус «Раста», существовало. Или слухи из подполья Держав, где песня китов уже начала расходиться, как круги по воде.

«Светится и поет». Поэтичная формулировка для существа, которое не должно существовать. Кто-то на Тартуге знал больше, чем следовало. И этот кто-то приглашал их на посадочную площадку с названием, которое не оставляло сомнений в характере предстоящей встречи.

«Костолом».

— Блу, — голос Аррина был спокоен, но внутри него закипало нечто, похожее на ярость пополам со страхом. — Анализ. Кто на Тартуге мог получить доступ к нашим данным? Каналы утечки?

— Вариантов несколько, — Блу развернул перед ним схему, на которой тонкими нитями были обозначены возможные информационные связи. — Первый: перехват и дешифровка сигналов, которыми обменивались Державы после инцидента на «Гее-7». Вероятность низкая: протоколы шифрования Держав для передачи данных об угрозах высшей категории считаются... — он запнулся, — считались непробиваемыми. Но если у «портовых королей» есть доступ к квантовому дешифратору или, что более вероятно, к человеку, способному использовать нейросети для поиска уязвимостей, — исключать нельзя.

— Второй?

— Второй: информатор внутри Держав. Сознательная утечка. Мотивация: финансовые интересы, идеологические разногласия, шантаж. «Портовые короли» торгуют не только технологиями, но и информацией. Если кто-то из чиновников Держав или военных имеет долги перед Тартугой — они могли потребовать оплаты в виде данных о нашем маршруте.

— Третий?

— Третий: «Стражи» и «Судья» сами передали наши координаты на Тартугу. — Блу выделил этот вариант красным. — Сделали это не для того, чтобы нас предупредили, а для того, чтобы посадочная площадка стала местом засады. Расчет: мы приходим по приглашению, думая, что имеем дело с независимыми игроками, а на месте нас встречает эскадрон десанта Держав или наемники, получившие заказ нас выдать.

Аррин сжал подлокотники кресла. Полимерный сплав, рассчитанный на нагрузку в сотни килограммов, едва заметно прогнулся под его пальцами.

— Вероятность каждого варианта?

— Без дополнительных данных точная оценка невозможна. Если распределить равномерно — около 33% на каждый. Однако я отмечаю, что формулировка сообщения содержит детали, которые делают вариант с прямым участием Держав менее вероятным. Стиль изложения, лексика, наличие постскриптумов с грубоватым юмором — это не язык военных протоколов. Это язык людей, которые привыкли торговаться, запугивать и показывать свою осведомленность как товар.

— Язык хищников, которые знают, что добыча идет к ним сама, — поправил Аррин.

— Возможно, — согласился Блу. — Но хищники, в отличие от военных, могут вести переговоры. Военные — только уничтожают.

Аррин поднялся с кресла. Ноги слегка затекли от долгого сидения, но он не позволил себе ни одного лишнего движения. Привычка инспектора — никогда не показывать слабости, даже когда никто не смотрит. Особенно когда никто не смотрит.

— Ответить, — сказал он, и в его голосе не было колебаний. — Текст: «Принимаем приглашение. Груз — одна жизнь. Цена — творение. Шлюз будет открыт. Карманы — пусты. «Костолом», 12 часов по галактическому стандарту». Отправить и стереть следы. Максимальное сжатие луча, одноразовый ключ, ретрансляция через... — он на секунду задумался, — через буй на четвертой луне. Если там есть что-то, что еще работает.

— Буй на четвертой луне выведен из эксплуатации сто двадцать лет назад, — сухо заметил Блу. — Но его корпус все еще может служить пассивным ретранслятором. Сигнал будет слабым, но до орбиты дойдет. Исполняю.

Аррин уже направился к выходу из капитанской ниши, когда голос Блу остановил его.

— Аррин.

Он обернулся. В голосе ИИ было нечто, чего он не слышал раньше. Не вопрос, не запрос данных. Нечто более... человеческое.

— Я должен отметить: вы не указали в ответе, что принимаете условия постскриптумов. Вы не подтвердили, что «биомусор» не входит в сделку. Вы не уточнили, кто именно будет «творцом». Вы не запросили гарантий безопасности для Милдры. Ваше сообщение... — Блу помедлил, — минималистично.

— Они знают, что мы отчаянно нуждаемся, — сказал Аррин, глядя в потолок капитанской ниши, за которым скрывался коридор, ведущий к медицинскому отсеку. — Каждое лишнее слово будет воспринято как слабость или как попытка скрыть то, что мы и так не можем скрыть. Они знают, кто мы. Они знают, что у нас. Они знают, куда мы идем. Единственное, что мы можем им предложить, — это честность. В том, что касается сделки. А в остальном...

— он усмехнулся, и в этой усмешке было нечто, что Блу, вероятно, классифицировал бы как «горькая ирония», если бы классифицировал эмоции. — В остальном мы и так на виду.

Он вышел в коридор. За его спиной дверь капитанской ниши закрылась с тихим шипением, и Блу остался один — если к ИИ можно применить это слово — обрабатывать данные, прокладывать курс и анализировать зону радиомолчания, которая продолжала свое неумолимое сжатие.

Медицинский отсек. Три часа до прибытия.

Милдра лежала в капсуле неподвижно, как восковая фигура, если бы не едва заметное движение грудной клетки и не пульсация сонной артерии, которую Блу отображал на мониторе зеленой, успокаивающей кривой. Серебристая наносубстанция, покрывавшая ее тело до ключиц, мерцала в такт дыханию — рой репликаторов работал в штатном режиме, поддерживая гомеостаз, подавляя боль и медленно, но неуклонно расходуя свой ресурс.

Аррин сел в кресло у капсулы — то же самое, в котором провел предыдущие часы, пока Блу вел корабль сквозь тишину межзвездного пространства. Он не смотрел на мониторы, не проверял графики. Он смотрел на Милдру.

Ее лицо в свете диагностических ламп казалось вырезанным из полупрозрачного камня. Кожа — бледная, с голубоватым оттенком, который Блу классифицировал как «пограничное состояние между стабильностью и декомпенсацией». Под глазами — глубокие тени, спускающиеся к скулам. Губы сухие, чуть приоткрытые, дыхание поверхностное, но ровное. Левая рука, единственная оставшаяся, лежала на краю капсулы, пальцы слегка согнуты, как будто она все еще сжимала что-то, что нельзя было выпустить. Правой руки не было. Культия, скрытая под слоем наносубстанции, была обработана, загерметизирована, но Аррин знал, что под серебристой гладью продолжался медленный процесс отмирания нервных окончаний, которые не получали сигналов от отсутствующей конечности.

Семьдесят два часа. Сорок из них уже прошло.

— Блу, — тихо сказал Аррин, не отрывая взгляда от ее лица. — Разбуди ее.

— Рекомендуемый режим пробуждения — через шесть часов, — ответил Блу. — Сейчас ее организм экономит ресурсы. Прерывание цикла может...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.